Анна Крылова

"Хранитель Тишины"

Анна Крылова
Хранитель Тишины

https://litres.ru/74874723
SelfPub; 2026

Аннотация

Кузьма — реставратор старых книг. Его мир — это запах пергамента, тишина у камина и глинтвейн. Он давно привык прятаться от жизни в своей уютной скорлупе, пока в метельную ночь в его окно не постучал маленький лесной дух Хвоинка.

Оказывается, магия из мира уходит, а древние боги и Места Силы забыты. Кузьме и его другу, геодезисту Валентину, предстоит отправиться в опасное путешествие сквозь время, чтобы найти утраченные артефакты и сразиться с духом Равнодушия.

Чтобы спасти мир от вечной стужи, Хранителю Тишины придётся столкнуться с собственными страхами и пройти испытание, которое потребует от него жертвы. Удастся ли ему вернуть магию и удержать хрупкое равновесие, не потеряв при этом самое дорогое?

Это атмосферная славянская сказка для детей и взрослых о том, что мир нужно не только беречь, но и терпеливо чинить своими руками. О памяти, дружбе и о том, что даже ледяная пустота отступает перед силой любви.

Содержание

Анна Крылова 4
ХРАНИТЕЛЬ ТИШИНЫ 4
Глава 1. Неожиданный гость 4
Глава 2. Карта. 11
Глава 3. Тихий шёпот старого дома 27
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Анна Крылова
Хранитель Тишины

Анна Крылова

ХРАНИТЕЛЬ ТИШИНЫ

Глава 1. Неожиданный гость

За окном происходило нечто удивительное: снег, подхваченный ветром, нёсся горизонтально, стирая границы между небом, землёй и соседними домами. Метель создавала что-то вроде белого шума. А внутри тёплого, уютного дома, одиноко стоящего в центре новостроек, царила почти идеальная тишина, нарушаемая лишь треском поленьев в камине да шелестом страниц.

Мужчина в кресле у камина медленно переворачивал страницы старинного фолианта, который лежал у него на коленях. Это была роскошно оформленная книга, на пергаменте которой виднелись крупные рукописные буквы. Он перелистнул очередной лист и поправил очки на переносице. В другой руке он держал прозрачную чашу с глинтвей-

ном домашнего приготовления с палочкой корицы, гвоздикой, апельсиновыми кусочками и щепоткой мускатного ореха. Это был его зимний ритуал: вечер у камина с глинтвейном и старым фолиантом. Он был реставратором книг. Его мир был наполнен запахом старой бумаги, кожаных переплётов и пряностей в чашке чая или глинтвейна.

Его дом был исторической ценностью, оставшейся стоять одиноко среди новостроек. Здесь годами жили его предки, бережно хранившие и реставрировавшие старые рукописи и книги. Всё в доме говорило о его профессии: стеллажи с книгами до потолка, аккуратные стопки бумаги на столе, где лежали его инструменты и лупа. Здесь пахло уютом, безопасностью и предсказуемостью. Такой была его жизнь.

Метель за окном была лишь красивым, динамичным фоном для его вечернего уединения. Он снова перелистнул страницу фолианта и пальцами коснулся древнего символа, нарисованного там красным цветом. В этот момент в окно кто-то постучал. Он оглянулся: за его спиной было большое панорамное окно с дверью, ведущей на террасу. Никого, только снежная мгла.

«Возможно, ветка прилетела», — подумал он.

Стук повторился. Тук-тук-тук. Он был настойчивый и чёткий. Сердце ёкнуло, он почувствовал страх, но всё же медленно поднялся, поставил чашку на пол у камина и подошёл к стеклу. Сначала он увидел только своё отражение — растерянное лицо человека за сорок в растянутом свитере. А

затем внизу он увидел небольшой, неясный силуэт, прижавшийся к стеклу с внешней стороны. Чтобы разглядеть его, он подошёл к выключателю, выключил свет и вернулся к окну. Теперь он видел.

За стеклом сидело Существо размером с маленького котёнка, но это не было похоже на котёнка: его тело, покрытое снегом и инеем, скорее напоминало что-то сплетённое из корней и ветвей дерева, которые скрутились в изящную, но хрупкую форму. Вместо шерсти — древесная кора, местами потрескавшаяся, может быть, от холода; из спины торчали два обледеневших прутика, похожие на недоразвитые крылья. А глаза… Глаза были огромными, цвета тёмного янтаря, и светились изнутри испуганным, умным светом.

Оно подняло лапку, больше похожую на веточку с тонкими пальцами-прутиками, и снова постучало коготком по стеклу. Только в этот раз звук был слабым и даже отчаянным. Это было что-то лесное, древнее и явно не принадлежащее каменным джунглям.

Мужчина, движимый инстинктом, а не разумом, бросился к балконной двери. Он с трудом открыл её. В комнату ворвался вихрь ледяного воздуха и снежной крупы. Существо вздрогнуло и попятилось.

— Не бойся, — сказал мужчина почти шёпотом. — Заходи в тепло.

Он сделал шаг назад и встал в позу приглашающего в дом.

Существо секунду смотрело на него своими янтарными очами, оценивая ситуацию. Потом, цепляясь коготками за раму, перевалилось через порог и рухнуло на пол гостиной, словно у него подкосились ноги. Оно лежало, мелко дрожа. С него капала талая вода, образуя на паркете лужицу.

Мужчина быстро закрыл дверь балкона и опустился на колени перед этим маленьким существом. От существа пахло хвоей, мхом и мокрой древесиной.

— Ты откуда? Ты кто? — тихо спросил он.

Существо приподняло голову. Его пасть, тонкая, как щель в коре, не шевельнулась, но голос этого существа прозвучал в сознании мужчины — тихий, словно шелест листвы: *«Из чащи. Той, что раньше была. Там, где теперь камни и светящиеся дороги… Метель сбила. Круги… не могу найти… Холодно. Душа леденеет».*

Мужчина не всё понял, но догадался, что скорее всего это был бродячий лесной дух, который потерял свой дом, свою рощу, поглощённую во время строительства городом.

— Тебе нужно согреться, — сказал мужчина. — Как я могу тебе помочь? Тебя полотенцем накрыть или отнести к камину, поближе к огню?

«Огонь… сушит, губит, — послышался в голове настороженный шёпот. — *Влага… нужна влага и земля».*

Мужчина кивнул и побежал в кладовку, где хранились цветочные горшки с засохшими растениями, которые он так и не сумел вырастить. Он высыпал землю из самого большо-

го кашпо в неглубокий пластиковый таз, сбегал на кухню, чтобы набрать кувшин с водой, и всё это принёс в комнату. Существо смотрело на него светящимися глазами-щелками.

Поставив таз с землёй у тёплой стены камина, там, где огонь не мог добраться до него, мужчина осторожно вылил в него воду и перемешал грунт с водой, чтобы тот стал влажным.

— Пойдёт? — спросил он у Существа.

Дух собрал последние силы, подполз к тазу и зарылся в прохладную влажную землю, почти полностью скрывшись в ней. Из грунта торчали только несколько веточек-рожек и пара светящихся точек. Раздался тихий, глубокий вздох облегчения, который мужчина скорее почувствовал, чем услышал.

От волнения он не мог лечь спать в своей спальне, поэтому принёс плед, устроился в кресле напротив камина и своего необычного гостя, продолжая пить уже остывший глинтвейн.

Иней на древесных веточках растаял и обнажил причудливый узор коры, похожий на древние символы. Из таза медленно вытянулся новый тонкий, нежный побег, увенчанный крошечной почкой лилового цвета. Он чувствовал в комнате новый запах — это был запах весеннего леса, невероятно живой.

«Спасибо, Хранитель Тишины, — донёсся до него сонный, умиротворённый шёпот. — *Спасибо, что впустил ме-*

ня… Ты не спросил имени… Не потребовал платы…»

— Я — Кузьма, — представился мужчина, словно спохватившись, что до сих пор был для гостя просто «человеком». — А тебя как зовут?

«Мое имя… для человеческого языка непроизносимое, оно как шум ручья в весеннем лесу, или тень от сосны, или звук от падения шишки на мох… можешь звать меня… Хвоинка».

— Спи, Хвоинка, — сказал Кузьма. — Утро вечера мудренее.

Ответа не было, дух видимо уже спал. Почка на тонком побеге закрылась. Кузьма слушал белый шум метели, бушевавшей снаружи, словно в параллельной реальности. А в его мире, мире тишины и старых книг, появилась живая сказка. А он, человек, всю жизнь восстанавливавший чужие истории, вдруг оказался на первой странице своей собственной. Он не знал, что будет завтра, что будет с духом, какой будет эта ночь. Но знал, что предсказуемая жизнь, как и глинтвейн в его чашке, закончилась. И во всём этом была странная, тревожная, но захватывающая новизна.

Он уже почти задремал, когда взгляд его упал на раскрытый фолиант. На пергаменте, там, где он касался пальцами, красный символ будто стал ярче. Кузьма прищурился: тонкие, ветвящиеся линии… точно такой же узор он только что видел на коре Хвоинки. Он перевёл взгляд на таз с землёй, потом снова на книгу. Символ не двигался. Но почему-то те-

перь он казался не просто древним рисунком, а чем-то вроде подписи под договором, о котором Кузьма ещё не знал.

Глава 2. Карта.

Наступило тихое утро. Метель улеглась, оставив после себя искрящееся на солнце одеяло из снега. Низкое зимнее солнце заливало комнату ярким, ослепляющим светом. Кузьма открыл глаза и обнаружил себя в кресле, скованным в неудобной позе. Плед, которым он укрывался, сполз на пол. В полусонном недоумении он покрутил головой из стороны в сторону, чтобы размять шею, расправил руки, потянулся. В этот момент его взгляд упал на таз, стоящий у камина. В комнате сегодня стоял не привычный запах старой бумаги, а аромат весны и сырой земли.

Там, в тёплой влажной земле, спал его ночной гость, тихо дыша. Тонкий побег за ночь вытянулся, а лиловая почка слегка приоткрылась. Кузьма поднялся и медленно приблизился к тазу, чтобы рассмотреть почку Хвоинки, которую освещал луч солнца. От запаха тёплой земли, весеннего аромата и нежных касаний света, заполнивших комнату, Кузьма почувствовал внутри невероятное тепло и чувство, которое некогда было ему знакомо. Он осмотрел почку и, повернув лицо к окну, увидел невероятно красивый морозный узор.

Кузьма направился к окну, чтобы рассмотреть узор. Подойдя почти вплотную, он увидел, что это не столько узор, сколько сложная, невероятно детализированная паутина линий, штрихов, завитков, обрамлённая причудливой вязью.

Эта «картина» проявилась на стекле так, словно сам Дух Мороз проник ночью, незаметно, в дом и нарисовал на окне целый мир. Начало узора исходило с того самого места, где вчера стучала в окно Хвоинка, и от этого места рисунок расходился по всему огромному окну.

Профессия Кузьмы научила его видеть систему даже в том, что другим казалось хаосом. Он увидел в этих извилистых линиях систему, похожую на русло реки, а в самом центре, в точке, от которой расходился весь узор, — чётко прорисованный знакомый символ: такой же, как вчера, в том фолианте, к которому он прикоснулся пальцем. Тот самый круг с треугольником внутри и точкой посередине. Не отрывая взгляда от этой точки, он тихо позвал:

— Хвоинка? Ты слышишь меня?

Из таза послышался тихий, похожий на шуршание звук. Сонные янтарные глазки приоткрылись и посмотрели на него устало. Он обернулся:

— Хвоинка, это карта?

«Да, Хранитель…» — услышал он в своей голове тихий, но уже окрепший голос Хвоинки. Она выбралась из таза и медленно подошла к Кузьме. Её янтарные глаза смотрели с печалью то на него, то на вязь узоров на стекле. — *«Это карта мест, где магия природы утекает, как вода сквозь сито. Мой отец последним наносил на неё штрихи».*

— Твой отец? — Кузьма взял Хвоинку на руки и направился к креслу. — Расскажи мне о нём, о вас — Хвоинах.

Хвоинка устроилась на подлокотнике и начала:

«Мы — Хвоины — не имя, а сама суть. Мы хранители Мест Силы, точек, где магия земли пульсирует сильнее и создаёт связи. Мы укрепляли границы, помогали духам леса и природы помнить себя. Хранители знали о нас и передавали знания своим детям. Люди начали строить города, заводы — сначала осторожно, обходя священные места в лесах, а потом всё более жадно захватывали территории и посягали на святое. Они рубили не просто деревья, Кузьма. Они рубили священные леса, забывая, что нарушают равновесие. Моих сородичей становилось меньше. Они погибали, теряя связь с землёй, которую люди разрушали трубами, бетоном и асфальтом…»

— Погоди, — Кузьма нахмурился. — Ты хочешь сказать, что весь этот город… стоит на месте священных лесов?

«Не весь, но многие его районы — да. И мой отец был последним Хвоином в этих краях. Он держался за рощу, которая недавно превратилась в жилой район Солнечный…»

— Солнечный? — Кузьма поднял глаза. — Это же через дорогу от моего дома. Там ещё старый дуб стоял, пока его не выкорчевали под новую парковку.

«Тот самый дуб, — тихо отозвалась Хвоинка. — *Сердце рощи. В день, когда туда пришли бульдозеры, отец не мог уйти: этот дуб был важной точкой. Он вплёл себя в корни, стараясь помешать бульдозеру, он хотел стать щитом, но щит сломался…»*

Хвоинка замолчала. На её древесном личике выступила капля смолы, похожая на слезу. Она посмотрела в глаза Кузьме и продолжила:

«…Дуба не стало. Отца не стало. Но пока дуб выкорчёвывали, он тянул время и успел дать мне задание — найти твой Дом. Последние его слова были о том, что в этом доме живёт Хранитель Тишины, который должен помнить…»

Хвоинка опустила глаза. Кузьма, еле сдерживая слёзы, отвернулся и, чтобы прийти в себя, стал рассматривать полку с книгами, мысленно концентрируясь на том, что видит, называя про себя то цвета, то фактуры, то названия книг.

Этот старый дом среди новостроек, который многие считали ошибкой, анахронизмом, остался в целости и сохранности и не был снесён только благодаря его исторической ценности, которую Кузьма доказывал документами в бюрократических кабинетах. Он всегда чувствовал свой дом важным и ценным не только потому, что тот хранил историю его предков. Дом был особенным местом не только, по его мнению, об этом говорили все, кто когда-либо заходил сюда, удивлённо отмечая, как здесь, несмотря на практически центр города, тихо, тепло и уютно.

— Защита Хвоинов… — пробормотал он. — Мой дед что-то говорил об этом… Отец тоже говорил, что наш дом стоит на «месте силы». Он учил меня не просто читать и реставрировать старые книги, а слышать их. Помню, как он говорил: «Бумага помнит тепло рук, чернила сохраняют мысли

в словах и символах. Твоя задача — не только хранить и реставрировать старые книги, а хранить память. Придёт время, и память нужно будет разбудить». Он показывал мне разные символы, говорил, что они — ключи… но без должного к ним уважения, без любви, без тепла, без души они не будут работать…

«Он был прав, — тихо отозвалась Хвоинка в сознании Кузьмы. *— Ваша семья поколениями хранила не книги, Кузьма. Вы хранили инструкции. Воспоминания мира, записанные руками людей, которые слышали голос земли. Ты — последний Хранитель в этой местности, а я — последний Хвоин здесь. Мы с тобой как две половины одной печати: я без тебя не смогу восстановить связи на Местах Силы, а ты без меня не смог бы получить и увидеть карту этих мест, где магия природы утекает».*

Она махнула лапкой в сторону окна, где была карта.

«Отец вдохнул в неё последнюю силу. Она ведёт к местам, где ещё можно всё исправить. Солнце светит ярче, Кузьма, она начинает таять…»

Карта и правда начала расплываться по краям. Кузьма быстро встал, схватил телефон, сделал несколько фотографий, а затем взял со стола бумагу и стал быстро, точно, профессионально переносить на неё символы, линии, вязь и ориентиры центрального фрагмента. Хвоинка молча наблюдала, устроившись на полке с книгами по мифологии. Закончив прорисовку центра карты, Кузьма подошёл к полке, что-

бы взять книги древних символов для сравнения, но, увидев Хвоинку, спросил:

— Почему я? Я ведь реставратор книг, а не… герой…

«Ты — Хранитель Тишины. Ты читаешь знаки, которые для других просто пятна. Ты возвращаешь к жизни то, что умирает. Ты прикоснулся к Символу Источника в тот миг, когда мир звал Хранителей на помощь…»

— И что мне нужно делать? — спросил Кузьма.

Хвоинка слезла с полки, подошла к Кузьме и забралась по его одежде на плечо:

«Нужно будет пойти и найти все слабые места, укрепить их, вернув нужные символы на свои места. Люди, строя города, уничтожили волшебные символы на точках силы и поддерживали эту сеть как могли, но, убивая дерево-сердце или закатывая родник в бетон, люди рвали «нити». Мир терял свою основу, скрепляющую всё воедино. Нужно восстановить места силы. Для этого не нужны заклинания, магия и волшебство. Нет. Нужны внимание, память и знания — всё то, чем ты владеешь. Если ты откажешься, то процесс, который уже начался, станет необратимым: истончение превратится в разрывы, а в местах разрывов начнут смешиваться реальности. Появятся «блуждающие места», где будут теряться люди. Ты выйдешь прогуляться в знакомый парк, а окажешься в другой реальности — в серой пустоши или в диком, первобытном лесу. Время и пространство перестанут быть надёж-

ными. Все духи и даже память о них исчезнут. Мир станет бездушным. Магия природы нарушится, она начнёт вырождаться: реки обмелеют и высохнут, леса станут болеть, почва истощится, урожаи будут пропадать, животные начнут мутировать и вымирать, а времена года смешаются между собой. В один день все природные явления могут дать знать о себе: утром — зима, в обед — весна, вечером — лето, ночью — осень. Это будет не мгновенная катастрофа, а долгий, необъяснимый для науки развал природной системы. Я выжила только потому, что вчера смогла найти твой дом, и ты впустил меня. Если сеть не чинить, я стану просто грудой сухих веток, потому что моя жизненная сила заключается в связи с живой землёй. Когда меня не станет — род Хвоинов этой местности прервётся навсегда. Твой дом стоит благодаря защите Хвоинов. Если сеть рухнет окончательно, твой «остров безопасности» станет уязвим. Жадность придумает закон для сноса твоего дома, книги передадут в музей, а инструкции, написанные в них, перестанут работать, ведь мир, для которого они написаны, исчезнет навсегда. Ты станешь просто человеком, который хранит старые бумажки, и смысл Хранителей и этого дома исчезнет. Твои предки поколениями хранили дом и знания для этой самой цели, чтобы в критический момент кто-то из вашей семьи смог воспользоваться этими знаниями и не дать пропасть всему бытию… Твой отказ будет означать, что вся многовековая верность тво-

их предков окажется бессмысленной».

Кузьма долго молчал, переваривая услышанное. Потом медленно проговорил:

— Значит, истончение… это и есть те разрывы, о которых ты говоришь? Сначала ткань мира истончается, как старая бумага, которую слишком часто трогали руками. Потом рвётся. И если не чинить…

«…то дыры станут слишком большими, — закончила Хвоинка. — *И тогда уже никакие символы не помогут».*

— Мне нужна помощь, — сказал Кузьма, выслушав её. — Того, кто мыслит иначе, чем я. Кто далёк от магии и лучше всех ориентируется в картах. Оставайся здесь, я скоро приду.

Кузьма схватил набросок карты, спешно накинул куртку, обул ботинки и выбежал из дома.

* * *

Валентин был геодезистом и картографом с двадцатипятилетним стажем. Его квартира напоминала штаб: стол завален картами разных лет, в центре стоял глобус, рядом с которым лежал цифровой планшет с открытой на нём картой. Увидев Кузьму на пороге, одетого абы как, смотрящего диким взглядом, он ухмыльнулся и жестом пригласил пройти:

— Что, старина, древний манускрипт расшифровал?

Кузьма, не обратив внимания на шутку, даже не сказав «привет», развернул свой набросок карты и начал сбивчиво объяснять про «истончение мест сил» и про всё, что услышал от Хвоинки. Валентин реагировал скептично, время от

времени прикладывая руку ко лбу приятеля, чтобы убедиться, что тот не заболел и не бредит в лихорадке. Выслушав сбивчивый рассказ, он взял «карту» Кузьмы, молча отсканировал её, наложил на цифровую карту региона и… замер.

— Скажи мне, что я не схожу с ума… — выпалил Кузьма.

Извилистая линия с карты Хвоинки почти точно легла на старое, ныне высохшее русло речки Зарежанки. А одно из бледных пятен совпало с зоной старинного кладбища, которое закатали бетоном под городскую парковку в начале восьмидесятых.

— Здесь есть система… — Валентин медленно провёл пальцем по экрану. — Эти твои «истончённые места» — это точки экологических и исторических нарушений. Где ты взял эту карту?

— Можно я приведу… первоисточник? — тихо спросил Кузьма, сомневаясь в том, что это нужно делать.

Валентин откинулся на спинку стула и долго смотрел на друга. Потом негромко сказал:

— Знаешь, я ведь всю жизнь видел на старых картах странные вещи. Совпадения, которые не мог объяснить. Вот здесь, — он ткнул в район Зарежанки, — на картах восемнадцатого века отмечен родник. А на картах двадцатого здесь уже бетонный коллектор. И так по всему городу. Я молчал, потому что кому расскажешь? Скажут, что свихнулся геодезист. А теперь ты приходишь и приносишь карту, которая… — Он замолчал, потом усмехнулся. — Первоисточник гово-

ришь? Приводи, конечно. Мне стало интересно.

Кузьма вышел из многоквартирного дома, в котором жил Валентин, и направился к своему. Они жили рядом. Когда сносили старые дома в округе, под снос попал и дом Валентина, а вместо него ему дали квартиру в этом бетонном муравейнике. Частный сектор, где когда-то стояли их дома, уже лет двадцать как исчез под новостройками, уцелел только дом Кузьмы — одинокий островок среди бетона.

Мысли Кузьмы путались, когда он вошёл в дом и рассказал Хвоинке о своём друге. Принести её в квартиру к Валентину было не просто смелым решением, а раскрытием тайны Хранителей. Кузьма боялся, что Хвоинка откажется.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил он, присев перед тазом. — Если Валентин не поверит… или испугается… Он может рассказать кому-нибудь, а я не могу рисковать тобой.

«Я понимаю, — тихо отозвалась Хвоинка. — *Но ты сам сказал: тебе нужен тот, кто мыслит иначе. Он увидел правду в карте, которую другие называют бредом. Он не испугается. Я чувствую это».*

— А если ошибаешься?

«Тогда мы оба ошибёмся. Но без него мы не найдём первую точку».

Кузьма помолчал, потом кивнул и начал сборы. Он нашёл старую корзину, поставил в неё таз с землёй, в котором Хвоинке было уютно, нашёл мох, который собирал, чтобы под-

латать дыры в бане, укрыл им Хвоинку и вышел из дома. Маленький дух ехал в корзине, спрятавшись во мху, время от времени выглядывая одним глазом из любопытства.

Когда Кузьма, уже в кабинете Валентина, отодвинул мох, а Хвоинка вытянула на свет свою ветвистую головку и начала оглядываться, Валентин отпрянул так, что смахнул со стола стакан с карандашами. Побледнев, он медленно поднял руку и трижды, широко и осознанно, перекрестился.

— Во имя Отца… и Сына… Господи, Кузьма… Это же… корень… с глазами! Он живой!

«Я — не «он», — прозвучало одновременно в головах у обоих. *— Я — Хвоинка. Дочь последнего Хвоина, и мы благодарим тебя, Человек Карт. Ты увидел правду, которую другие называют бредом».*

Валентин опустился на стул, тяжело дыша.

— Так… значит, твои эти книги со сказками — это… инструкция по эксплуатации мира? И ты, Кузьма, теперь… главный инженер?

— Скорее аварийный реставратор, — мрачно пошутил Кузьма. — Карта тает. — Он показал фото на телефоне. — Хвоинка говорит, что нужно идти. Если я правильно понял, вот эта точка, — он ткнул пальцем в область реки Зарежанки, — первая и самая близкая к нам. Мне нужен твой совет…

Валентин, всё ещё поглядывая на Хвоинку с суеверным страхом, но он взял себя в руки. Его профессиональная жилка победила.

— Я с вами пойду. Так, надо собраться, пиши список: компас, GPS, тепловизор… У тебя есть рюкзак, удобные ботинки, термобельё? Надо ещё горелку, спальник, рассчитанный на лютые холода, палатку… В аптеку надо, чтобы взять всё, что нужно для походной аптечки… — диктуя другу список, Валентин пытался взять себя в руки, сохранить контроль.

Кузьма всё записал за другом. Они определили, кто и как будет действовать, что и кто будет брать, — как два специалиста, которым поручили сложную работу. Наметили план действий и договорились встретиться вечером у Кузьмы.

* * *

Вечером в гостиной Кузьмы они сложили в центре комнаты снаряжение: два внушительных рюкзака, приборы в водонепроницаемых чехлах, термосы, словно два снаряда в боковых карманах. Хвоинка сидела на спинке кресла, наблюдая за ними. Карта на окне растаяла почти полностью, оставив после себя лишь призрачные разводы. Но Кузьма уже перенёс её не только на бумагу, но и в память: линии и символы проступали у него перед глазами, когда он закрывал веки.

— Выдвигаемся на рассвете, — твёрдо сказал Валентин, проверяя защёлки на своём рюкзаке. — Пока город спит. Первая точка: устье Зарежанки, там, где её пытались «закатать» в бетонный коллектор. По моим старым картам, там была родниковая воронка.

Он посмотрел на Хвоинку, всё ещё не решаясь поверить

в реальность происходящего.

— Ты уверена, что… «восстановление мест силы» не потребует от нас ломать и крушить постройки? Шутка… Наверное…

Хвоинка отрицательно покачала головой.

«Нужно будет услышать это место и вспомнить его имя, вернуть ему символ. Инструменты — у вас в рюкзаках и тут» — она легонько ткнула лапкой в висок Кузьмы, а затем в нагрудный карман походного свитера, где лежал блокнот с зарисовками копии карты.

Валентин, ссылаясь на необходимость проверить ещё один спутниковый снимок, ушёл к себе, чтобы собраться и «морально подготовиться». Дверь закрылась, и в доме снова воцарилась тишина.

Кузьма остался один. Вернее, не совсем один: Хвоинка свернулась калачиком в уже готовой для похода тёплой переноске, в которую Кузьма заботливо поставил таз с землёй и мхом. Он медленно прошёлся по комнате, погасил главный свет, оставив только настольную лампу, бросающую круг света на письменный стол с его инструментами. Взял в руки тот самый фолиант, с которого всё началось. Кожа переплёта была тёплой и живой — он ощутил это пальцами. Немного погладив переплёт, Кузьма открыл фолиант на странице с тем самым символом и моментально понял, что смотрит не на древний рисунок, а на… чертёж и инструкцию… как говорил отец.

В памяти всплыл яркий образ: он, мальчик лет семи, сидит на коленях отца, который пахнет старыми книгами, и рассматривает вместе с ним потрёпанный томик со странными геометрическими фигурами и нарисованными цветами.

«Смотри, Кузьма, — говорит отец мягким, неторопливым голосом. — Это не просто цветок, это знак. Там, где растёт этот цветок, близко находится родниковая вода. А эта загогулина… она как стрелка. Куда она указывает?»

Маленький Кузьма водил пальцем по шероховатой странице.

«На холм?»

«На холм, верно. Но какой? Тот, что сейчас, или тот, что был сто лет назад? Книга помнит оба. Наша задача в том, чтобы понять, о чём она говорит сейчас».

Это были уроки внимания и диалога с миром через следы, оставленные чернилами на бумаге.

— Он готовил меня, — тихо сказал Кузьма в пустоту. — Он учил меня понимать…

«Все Хранители готовили, — послышался мысленный шёпот Хвоинки. *— Но готовность и действие — разные вещи. Ты боишься, я чувствую это…»*

— Не боюсь, — автоматически возразил Кузьма, но это была ложь. Он боялся. Боялся не разрыва реальности, а того, что не справится, не поймёт, не обратит на что-то важное внимания, и того, что его знаний не хватит.

«Мой отец тоже боялся, — сказала Хвоинка. *— Он за-*

щищал дуб до последнего и сломался. Да, его сломанное тело задержало бульдозер на три лишних часа. За это время я успела убежать, и ветер донёс до меня запах твоего дома… дома, который помнит. Я понимаю, что это «должен» создаёт тяжесть, Кузьма. Ты можешь отказаться делать это из страха, но то, что уже начало происходить… если это не остановить это, то оно продолжится, и всему, что знаю я, ты и люди, настанет конец».

Кузьма вздохнул, закрыл фолиант и подошёл к окну. Стекло было холодным. Там, во тьме, лежал город, пронизанный нитями уличных фонарей. Там же, в невидимых зонах, зияли дыры, где истончалась ткань мира, и сейчас только от них — от реставратора книг и крошечного духа — зависело, расползётся ли этот мир по швам. Он повернулся и посмотрел на собранные вещи.

— А что, если мы опоздаем? — спросил он, уже не ожидая утешения.

Хвоинка выглянула из переноски, посмотрела на растаявшее окно, затем на Кузьму.

«Если мы не успеем, то однажды утро не наступит для этого места. Оно погрузится в вечную метель, из которой я пришла, в белый шум и пустоту, где не будет больше места старым книгам, чашке глинтвейна и камину…»

Кузьма всё понял. Он потушил лампу, и комната погрузилась в темноту, нарушаемую лишь слабым отсветом уличных фонарей. За окном снова закрутился снежок

Глава 3. Тихий шёпот старого дома

Кузьма стоял в подвале, держа в руке маятник — тёмный шарик на цепочке, со знаком треугольника с точкой в круге. Металл отзывался странной вибрацией на тепло его кожи.

Он нашёл его в глухой нише, которую открыл, разрушив монтировкой кирпичи. Чтобы добраться до стены, пришлось отодвинуть эмалированный бак — тот самый, в котором предки квасили капусту. Бак стоял в дальнем углу, куда Кузьма пробирался мимо смутных очертаний старого хлама: сломанных стульев, сундука с тряпьём и груды ненужных вещей, оставленных кем-то из предков. Фонарь высвечивал их в холодном, мерзком подвале.

А спустился он сюда не из любопытства. Ночью, не в силах уснуть, он водил пальцем по странице фолианта и увидел миниатюрное изображение своего дома с пунктирной линией вниз, указывающей на подвал. Чтобы разглядеть, пришлось поднести книгу к лампе и прищуриться: то, что раньше казалось пятном, оказалось контуром дома. Точка начала приключения была не вовне, а здесь, в корнях дома, который начал открывать ему тайны.

* * *

Выбравшись из подвала, Кузьма стряхнул с себя пыль, вернулся в гостиную, где мирно спала Хвоинка, и положил маятник на стол. Сел в кресло и уснул.

* * *

Его разбудил настойчивый стук в дверь. Кузьма вздрогнул, с трудом выбираясь из глубокого сна. Стук повторился. Он посмотрел в сторону окна. За стеклом были предрассветные сумерки. Он встал и направился к двери.

На пороге стоял Валентин. За его спиной, на свежевыпавшем снегу, чётко отпечатались следы от огромных ботинок.

— Что, проспал? Забыл, что у нас сегодня начало приключения? — бодро спросил он, переступая порог и снимая ботинки.

— Угу… — промычал Кузьма, закрывая дверь. — Я тут вчера не мог уснуть и нашёл…

— О! Подвес! Антиквариат? — воскликнул Валентин, пройдя в гостиную и увидев на столе находку.

— Маятник… Я нашёл его в подвале, — Кузьма провёл рукой по лицу, пытаясь стереть остатки сна. — Думаю, это нужный нам инструмент. В книге было что-то про равновесие… кажется, он должен показывать, где оно есть, а где его нет, но я не уверен.

Хвоинка, услышав знакомые голоса, вылезла из переноски и отряхнулась от земли.

Валентин наклонился над шариком, но трогать его не стал. Кузьма взял маятник в правую руку — тот отозвался лёгким, едва уловимым теплом. Хвоинка с интересом посмотрела на находку и вскарабкавшись по штанам Кузьмы, как кот, присела на край стола. В доме воцарилась звенящая

тишина.

«Это не просто инструмент… — зашелестел голос Хвоинки в сознании обоих. — *Это Маятник Эха. Мой отец рассказывал о нём. Он помнит тепло рук и голоса всех Хранителей, которые когда-либо держали его».*

— Маятник Эха? — переспросил Кузьма, разглядывая идеально гладкую поверхность артефакта.

— И что он покажет нам? Где истончение сильнее? — спросил Валентин.

«Не только это. Он услышит само место и расскажет, что оно забыло и как вернуть ему память. Но для этого его нужно разбудить».

— Как? — Кузьма положил маятник на левую ладонь и почувствовал вибрацию, словно по руке прошёл лёгкий электрический разряд.

«Ты по праву рождения его хозяин. Его голос — твой голос и голос всех твоих предков. Ты его и спроси».

Кузьма обменялся нерешительным взглядом с Валентином. Тот пожал плечами, выражая всем своим видом детское любопытство.

— Хорошо, — тихо сказал Кузьма, поднимая маятник перед собой за край цепочки. Он чувствовал себя нелепо, как актёр в плохой пьесе. — Э-э-э… Маятник Эха, мы собираемся пойти к Зарежанке. Что нам нужно там вспомнить?

Ничего не произошло. Маятник неподвижно висел на цепи.

— Может, надо подержать его над картой? — предложил Валентин, вовлекаясь в процесс.

Кузьма взял со стола блокнот с зарисовками карты и поднёс к нему шарик. И снова ничего.

— Может, это просто красивая старая безделушка? — разочарованно спросил Валентин.

Хвоинка наблюдала молча, не вмешиваясь. И тогда Кузьма вспомнил, как отец учил его не читать, а слышать книги, и о том, что самое важное часто написано между строк. Он закрыл глаза, отбросив сомнения и перестав ждать волшебства. Просто сосредоточился на образе реки, какой она была в детстве: живой поток холодной чистой воды. Он думал не о задаче, которую нужно решить, а о самой Зарежанке, о её имени, которого никто не слышал в современном мире.

Его рука с маятником сама собой опустилась, и шарик лёг на бумагу, прямо на нарисованную линию русла. В этот момент все услышали голос, похожий на многоголосый шёпот: в нём угадывались и низкий бас деда, и мягкий тембр отца Кузьмы, и десятки других, незнакомых, стёртых временем голосов. Голос всех когда-либо живших Хранителей.

«Зарежанка… её имя придумали новые люди. До этого она звалась Агидель…» — Маятник замер на миг, будто набирая дыхание, и многоголосый шёпот снова полился в звенящей тишине. Но теперь в нём зазвучал женский, чистый, словно родниковая вода, голос. — *«Агидель. Так называли эту реку в память о подвиге богини воды, что спасла мир от*

жажды и засухи. Она бежала впереди потока мировых вод, разбила чёрный камень Аспида, которым страшная Гидра пыталась перекрыть мировой поток. А где ступала нога Агидель — бежала вода, зеленели леса и рожь. Разбив тот камень, Агидель побежала впереди потока, направляя его, а когда силы стали покидать её, она раскинула руки-крылья и легла в это русло, став его душой. Ваша Зарежанка — не изгиб её течения, а место, где она легла в русло. Ива на берегу, которую спилили, была не просто деревом, а Стражем Порога. Того места, где тонкая плёнка между мирами — её когда-то разрезала своим бегом Агидель — всё ещё дрожит. Когда-то люди туда приходили и приносили дары, чтобы Агидель помогла им не только напоить скот и земли полей, но и очистить душу…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.